

Вероника Якжина

ПО ТУ СТОРОНУ

16+

Вероника Петровна Якжина

По ту сторону

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67291160

SelfPub; 2022

Аннотация

Стоит отвлечься немного, сделать один неосторожный шаг, и жизнь обрывается. И всё, что радовало или огорчало, останется позади. Что происходит там, по ту сторону реальности, когда душа теряет связь с телом? И есть ли шанс вернуться?

Вероника Якжина

По ту сторону

Я вышла из душного клуба через служебный выход. Узкий переулок вывел к дряхлому деревянному пирсу. В ночи вода казалась густой и черной, хотя днем побережье сверкало оттенками голубого и синего. Океан обдал меня прохладным ветерком и запахом соли. Я уселась на край досок, сняла кеды и позволила приливу ласкать мои ступни.

Телефон коротко прожужжал в руке. Я не глянула на экран. Не хотелось читать очередное извинение за то, что "не сложилось". Ничего нового. Но и привычка все никак не желала вырабатываться.

Достала сигарету, старую отцовскую "Зиппо", звонко щелкнула крышкой. Крошечное пламя, весело выскочив из-под пальцев, охватило тонкую бумагу и расцветило табак оранжевым и алым. Едкий дым опутал волосы и лицо, проник в легкие. Идиотская привычка, но сразу стало легче. Не так гадко. Я смотрела во тьму, в точки огней на другом берегу и старалась не думать ни о чем.

– Будешь курить, волосы выпадут и зубы станут желтые и кривые.

Я улыбнулась теплому бархатистому, чуть ленивому голосу, но не отвела взгляд от водной глади. Я и так знала, что Алекс стоит и смотрит туда же, куда и я. Я слишком хорошо

его знала.

– Куда страшнее твои вечные нотации, – криво усмехнулась я через несколько минут.

– Видимо, недостаточно страшно, раз ты продолжаешь.

Я промолчала. Не было сил и желания подбирать остроумный ответ. Алекс наконец присел рядом, спиной к воде, лицом ко мне. Синие глаза мудро сверкнули в холодном лунном свете. Он серьезно посмотрел на меня. Ему не нужно было о чем-то спрашивать, чтобы понять, почему я сижу ночью одна на берегу чужого города, когда в десятке ярдов отсюда гремит шикарная вечеринка, главные звезды которой – мой брат и его друг Алекс.

– На этот раз хотя бы не ревешь.

– Тут и так слишком мокро.

– Самой не надоело, что этот кретин каждый раз тебя то отталкивает, то притягивает? Как мячик на ниточке.

– Мне не нужны нравоучения.

– Именно. Не нужны. Точно так же, как тебе не нужно все это дерьмо, повторяющееся из раза в раз. Ты гораздо умнее этой херни. Другой вопрос – если тебе нравится страдать.

Я посмотрела на парня с интересом. Он всегда мне нравился, с детства. Они дружили с моим братом Кевином с того самого момента, как мы загремели в детский приют после гибели родителей. Алекс был нелюдимый, строго смотрел из-под густых темных бровей.

Оказавшись во враждебной обстановке без капли родного

тепла, Кевин растерялся. Местные мальчишки, "бывалые", почуяли в нем легкую добычу, но быстро поняли, что ошиблись, когда брат уверенно дал сдачи, а сверху Алекс добавил от себя аргументов в пользу неприкосновенности двух новичков.

Им было по тринадцать, а мне всего шесть. Сразу после совершеннолетия эти двое свалили из приюта на поиски лучшей жизни, заверив меня, что обязательно вернутся и заберут с собой. На тот момент наша дружба была уже крепче бетонной стены. Алекс стал нашим старшим братом. На целых три года я осталась совсем одна, живя от звонка до звонка, от визита до визита. А потом сбежала. Стоило видеть лица Кевина и Алекса, когда я появилась на их пробах в популярный телепроект. В приют я больше не вернулась, наплевав на уговоры, скандалы и взывания к голосу разума.

Прошло почти десять лет. Они стали известными шоуменами и ди-джеями, взрывали лучшие клубы мира, лишь набирая популярность. А я следовала за ними, уютно устроившись в тени и занимаясь пошивом костюмов.

В родном городе нас ждали уютные квартиры, пустующие месяцами. Алекс и Кевин были убежденными холостяками, довольствуясь вниманием фанаток и их готовностью к мимолетным связям. А у меня был парень. Временами. Один и тот же. Мы сходились и расходились.

Я понимала, что ему не интересно было носить пояс верности, зато было очень интересно находить меня всякий раз,

когда он попадал в неприятности или влезал в очередные долги. Мне сносило голову, как наитупейшей малолетке, я почему-то верила в искренность его чувств и правдивость слов, и снова позволяла утереть об меня ноги.

– О чем думаешь?

– О том, как складывалась наша жизнь. Какие дороги привели нас сюда. Могло ли все сложиться по-другому?

– Давно пора позволить нам с Кевином отвадить от тебя этого... – он запнулся, подбирая менее грубое слово, – этого твоего парня.

– Ты же знаешь, что Кев не умеет держать себя в руках.

– Я скажу только одно, ладно? Тебе стоит отказать ему всего один раз. Когда ты решишься на это, сразу уважаешь себя, и станешь противно снова в это окунаешься. Просто подумай об этом, хорошо?

– Ты всегда был самым умным из нас.

– Я просто столкнулся с миром раньше, чем вы. Я опытнее.

– И ты никогда не страдал из-за девушки?

Он пожал плечами. Я поняла, что ответа не будет.

– Кевин всегда хотел лишь одного. Чтобы ты была счастлива. И я тоже всегда этого хотел.

В его голосе, всегда спокойном, почти равнодушном к тому, что творится вокруг, дрогнула незнакомая мне нотка. Она не была похожа на ту братскую манеру общения, обычно свойственную нашим разговорам. Это было нечто иное. Бо-

лее горячее, сокровенное, тайное. В груди сердце совершило кульбит, достав из самого укромного уголка запрятанную детскую влюбленность в сильного и невозмутимого близкого человека.

– Ты никогда не делился своей историей.

– Делился. Пару лет назад. Когда вы спали, пьяные до беспомысленности.

– Не в счет. Ты все о нас знаешь. Мы всю жизнь вместе, но я не знаю о тебе самого главного. Как ты оказался в приюте?

Алекс поморщился.

– Это не самое главное во мне.

Он замолчал, а мне не хотелось настаивать. Я все думала о том, как после своего десятого дня рождения лежала в комнате с другими девочками и мечтала о свадьбе с Алексом. Он тогда устроил для меня настоящий праздник: носил на руках, заставлял других мне кланяться и исполнял любые капризы. Мне завидовали все, даже, кажется, молодые воспитательницы.

Я закурила еще одну сигарету, но Алекс вырвал ее у меня изо рта и сам сделал две глубокие затяжки.

– У моей матери трое детей от трех разных мужчин, – с трудом выталкивая слова, начал он. – Сейчас, может, и больше. У меня есть старший брат, ему около сорока. И сестра, которая родилась, когда мне едва исполнилось девять. Тогда и закончилась моя нормальная жизнь. Мать возвела дочь в культ. Старшего сына почти сразу спланировала родному отцу, а

меня через два года сдала в приют, потому что я мешал ей, а мой отец готовился к бесславной смерти под крыльцом дешевой пивнухи.

Я сидела, как громом пораженная. За нашу общую жизнь я предполагала десятки разных вариантов, но истинный оказался в тысячу раз хуже самого печального из них. Алекс тем временем повернулся лицом к воде и сел, касаясь меня плечом. Сразу стало гораздо теплее. А он продолжал:

– С тех пор я ненавижу всех существ женского пола. Взрослым женщинам я не мог доверять, ведь меня предала главная из них – родная мать. А мелкие девчонки приносили лишь проблемы, постоянно капризничали и жаловались. Но потом появилась ты. Маленькая, спокойная, напуганная. Такая честная и отважная. Я защитил Кевина от старших только потому, что не хотел видеть, как ты плачешь и пытаешься драться с его обидчиками. Каждый раз, когда ты смотрела на меня, как на героя, я чувствовал себя значимым. Всегда завидовал Кевину. У него было то, чего не могло быть у меня. Вместе с вами я обрел семью. Настоящую.

Непрошенная слеза скатилась по щеке. Мне хотелось обнять Алекса крепко-крепко. Рассказать, сколько он значит для меня. Вместо этого, как истинная трусиха, я лишь положила голову на его плечо, а он обнял меня одной рукой. Я прикрыла глаза и осознала, что с тех пор, как оказалась в приюте, чувствовала себя в безопасности лишь тогда, когда Алекс держал меня за руку или дружески обнимал. Даже с

Кевин ом никогда не было так спокойно.

– Она приезжала. Хотела все исправить, наладить отношения.

– Кто? – спросила я, вынырнув из своих мыслей.

– Моя мать. Это было в самом начале нашего пути. Когда мы только выиграли в том шоу, и пресса стала пророчить нам космическое будущее.

– Ты не говорил...

– Не о чем говорить. Я послал ее куда подальше. Разрушить дом, а через несколько лет прийти, чтобы поплакать и попытаться уговорить руины вновь собраться? Эта женщина никогда не была для меня матерью. И никогда уже не сможет стать.

– Ты злишься на нее?

Он подумал, глядя на тлеющий кончик сигареты.

– Нет. Мне просто все равно. Я справился без нее, когда нуждался в ней. Теперь, когда все хорошо, она мне и подавно не нужна.

Алекс вмял окурок в старую доску. Чуть замедленно усмехнулся.

– М-да. Не очень из меня группа поддержки. Тебе и так грустно, и мои мемуары до кучи.

– Ты – прекрасная группа поддержки. Я и забыла, почему здесь оказалась. – Рядом снова вздрогнул от вибрации мобильник. – Ах да. Точно.

Алекс посмотрел на меня впервые за весь разговор. Его

внимательный взгляд плавно погладил черты моего лица.

– Ты выросла такой красивой. Кевин часто повторяет, что ты похожа на вашу маму.

Я почувствовала, что краснею, и уткнулась носом в ключицу друга. Подушкой большого пальца он провел по кисти руки, сжимающей зажигалку. Мое сердце подпрыгивало в груди, и больше всего я боялась, что Алекс услышит это и рассмеется, ведь я поняла все не так.

Но Алекс не собирался смеяться. Он шумно вдохнул, чуть коснулся губами моего лба. И замер. Должно быть, ожидал реакции. Я сильнее прижалась к его шее, ощущая губами сбивающийся пульс. Я выпустила зажигалку и развернула ладонь, позволила нашим пальцам переплестись. Его ладонь была горячей, чуть дрожала, но мою руку держала крепко, уверенно. И я знала, что не выпустит.

Алекс что-то прошептал так тихо, что я не услышала. Подняла на него взгляд, и столкнулась с неукротимым пламенем в синих глазах.

– Знаешь, какая ложь самая крупная?

– Какая?

– Когда врешь сам себе. Из года в год. Когда продолжаешь отмахиваться от правды и пытаешься убедить себя в том, чего нет.

– О чем ты?

– С тех самых пор, как ты сбежала из приюта, чтобы быть с нами, я пытался убедить себя, что отношусь к тебе как к

сестре. Так и было поначалу. Но когда я увидел, как ты выросла, какой ты стала...

– А я думала, ты меня не замечаешь. Думала, видишь во мне лишь своего парня.

Алекс покачал головой.

– Выходит, мы два дурака. Которые прятали истину за чередой неудачных отношений и глупых предубеждений. Столько времени упустили...

– У нас впереди еще много времени, – прошептал он.

Алекс провел губами по моему лбу, носу, щеке. Спустился к подбородку. Несмело поцеловал мою нижнюю губу. Я дрожала всем телом, голова закружилась. Руки и ноги ослабли – если бы стояла, то коленки точно подкосились бы от этих ощущений. На закрытых веках взрывались яркие фейерверки счастья и удовольствия. Обоняние ласкал запах Алекса – смесь индийского масла и имбиря, приправленная ароматом соленого прилива. И капля алкоголя дразнила своей смелостью.

Поцелуй за поцелуем накрывали нас, словно волны. Я знала Алекса разным – меланхоличным, угрюмым, безудержно веселым, дурачащимся и мудрым, вспыльчивым и равнодушным. Я видела, как он ухлестывает за понравившейся девушкой, и как отбивается от навязчивых поклонниц. Он мог быть и божественно-милосердным, и дьявольски беспощадным. Но такой Алекс открывался передо мной впервые. И мне очень хотелось верить в то, что эту робость, трепет и

движения, полные нежности, он берег именно для меня. Все самое светлое, чувственное, душевное, он прятал за сценическим образом, надеясь, что когда-нибудь мы оба решимся на разговор, подобный сегодняшнему.

Мне хотелось смеяться и плакать одновременно. Это был мой первый в жизни поцелуй. Настоящий поцелуй. Полный чувств, а не желания скорее повзрослеть.

Забытый телефон разразился трелью. Аарон мог сам игнорировать неделями, но стоило мне перестать отвечать на его сообщения и звонки, сразу приходил в бешенство. Ему могло быть все равно, но не мне. Последнее слово должно было оставаться за ним.

Этот звонок будто сорвал меня с Млечного пути, по которому мы летели вместе с Алексом. Будто вернул меня на землю. Обычную холодную землю, где нет места чудесам.

Я прервала поцелуй и уставилась на экран, с которого улыбался тот, кто позволял мне его любить. Кто позволял мне решать его бесконечные проблемы и предоставлять себя в пользование как глупую симпатичную вещицу.

– Хочешь ответить? – спокойно спросил Алекс, но глаза его были гораздо честнее.

– Нет, не хочу. Но отвечу. Чтобы прекратить это.

Он хотел уточнить, «что – это?», но сдержался. Я сжала трубку и приняла вызов.

– Я уж думал, что ты с собой что-то сделала. Я понимаю, тебе тяжело. Но и ты меня пойми. Я устал оставаться один,

когда ты уезжаешь. Если бы ты могла оставаться со мной. Или если бы мы могли ездить вместе...

– Ты можешь делать все, что захочешь. Встречайся, с кем хочешь. Спи, с кем хочешь. У меня только одна просьба. Удали мой номер. И больше никогда не звони.

– Что это значит?

– То, что я не хочу о тебе слышать, видеть тебя и тем более быть с тобой.

– Ты чего, малышка?

– Еще раз объявишься, будешь иметь дело с моим братом. – Я глянула на Алекса. – И его другом.

Я прекратила разговор, отшвырнула телефон в сторону и тут же оказалась в объятиях Алекса. Я выдохнула с облегчением. Будто проделала длинный-длинный путь и наконец-то дошла до своего пункта назначения. Будто преодолела непроходимую полосу препятствий и наконец могу наслаждаться наградой. До этого момента все в жизни было сложно, трудно, больно. Но теперь все должно было измениться.

Мы с Алексом, теперь *моим* Алексом смотрели друг на друга. Изучали каждую черточку лица, каждую морщинку. Будто видели друг друга впервые и скорее желали познакомиться.

– Я не верю, – вдруг прошептала я.

– Почему?

– Вдруг это сон? Вдруг я проснусь утром рядом с Аароном. И пойму, что ты мне приснился?

– Тогда давай сделаем этот сон таким, чтобы как можно дольше не хотелось просыпаться.

Он снова меня поцеловал, и все эти глупости, что лезли в мою голову, перестали иметь значение. Были лишь я и он на старом пирсе, и у наших ног благословенно шуршала океанская волна.

– Не может этого быть!

Я буквально подпрыгнула, когда над нами так громко и неожиданно появился Кевин. Он едва стоял на ногах, его шатало из стороны в сторону. Он нередко вот так напивался на вечеринках. Выпить с организаторами, со спонсорами, с почетными гостями – и никому нельзя отказать. Обратная сторона работы, которая лишь кажется веселой жизнью.

Алекс встал и подошел к моему брату.

– Я тебе все объясню.

– Не нужно мне ничего объяснять. – Кевин запинался после каждого слова, но продолжал делать вид, что может сам стоять на ногах. – Я все видел своими глазами, вот этими вот. Вы двое, изрядно меня достали, ясно вам?

– Кевин, идем спать, – мягко сказала я, пытаюсь взять брата за руку.

Но он вырвался и отступил назад. Его шатнуло вбок, и он едва не упал в воду. Мы с Алексом едва успели поймать эту двухметровую каланчу. Положив его руки себе на плечи, поволокли великого тусовщика в сторону отеля.

– Вы думаете, я совсем идиот? – не унимался Кевин. – Я

давно заметил, как вы друг на друга поглядываете, как малолетки. Но учти, Алекс, – Кевин резко остановился, высвободил одну руку и пригрозил другу указательным пальцем, – она – моя сестра. Обидишь ее, и я тебе ноги оторву. И руки тоже. А ты, – палец переместился в мою сторону, – не глупи. Он все-таки мой лучший друг. Понятно?

– Да, – хором ответили мы с Алексом и улыбнулись друг другу.

Дойдя до дороги, мы поймали такси и с горем пополам затолкали Кевина на заднее сиденье между нами.

Через десять минут дороги брат стал засыпать, но все равно продолжал болтать. Он положил мне голову на плечо и медленно тянул слова.

– Сестренка. Хорошо, что ты у меня есть. В детстве ты постоянно цеплялась за меня, а я постоянно хотел тебя скинуть. Но сейчас я понимаю, как мне с тобой повезло. Когда ты мне уже племянников нарожаешь? Эй, Алекс! Я хочу племянников.

– Заткнись, Кев, – прошипела я, густо краснея.

Алекс широко улыбался и смотрел в окно.

В отеле мы бросили уже спящего Кевина на кровать и, выдохнув, зашли в гостиную его номера.

– Пора лечить его от выпивки. Я, пожалуй, останусь здесь. Вдруг ему что-то понадобится. А ты иди ложись и отдыхай, – предложила я.

– Я тоже останусь.

Алекс подошел очень близко. Там, у воды, в окружении ночной темноты было легко принять его за плод моей фантазии. Стоя среди ярко освещенной комнаты, я не понимала, почему мираж все еще здесь. Когда парень коснулся моей щеки, я очень четко осознала – это все по-настоящему.

Алекс не рассеется, как дым. Не сбежит, не взглянет на сторону, не будет отмахиваться от меня, не будет обманывать. Просто потому что он такой человек. И он нашел того, кому нужно именно это, а не его имя, мероприятия, деньги, знакомства и подписчики в соцсетях. Я прильнула к Алексу, прячась от всего мира за его надежной спиной.

Ночь прошла в тихом разговоре. Мы полулежали на диване, обнимая друг друга. Когда утро, еще кутаясь в легкие простыни сумерек, стало вытеснять тьму, меня начало клонить в сон. Алекс тихонько бормотал мне на ухо что-то спокойное и нежное. И я верила каждому его слову.

Я проснулась в комнате, залитой солнцем. В ванной стоял Кевин. Алекс мирно дремал, держа меня за руку. Я лежала у него на груди и слушала спокойный стук сердца. Погладила его ладонь и посмотрела в лицо. Мне хотелось запомнить каждую деталь.

В голову пришла идея. Я сняла с большого пальца кольцо и надела на мизинец Алекса. Широкое серебряное кольцо с чернением. По периметру обруча два египетских креста – анкха. Мой талисман уже много лет. С тех пор, как сбежала из приюта. Тогда, чтобы заработать на билет до города, в ко-

тором проходил кастинг Алекса и Кевина, я пела в метро. За день в пакете собралась приличная сумма, и кто-то бросил туда это украшение. Правда, вечером большую часть отобрали местные попрошайки, но на билет мне все же хватило. И кольцо осталось со мной. Я не снимала его все эти годы. А сейчас захотела отдать его тому, кто был мне так дорог.

Я высвободилась из объятия Алекса и с нежностью поцеловала его в щеку. Из ванной вывалился Кевин в гостиничном халате.

– Черт, почему так хочется умереть?

– Потому что вчера тебе очень хотелось текилы.

– Ненавижу эту проклятую текилу.

– Ты говоришь так до следующего «Могу я угостить вас текилой?»»

Кевин захныкал, как маленький, и прислонился спиной к стене. Он с силой потер лицо и уставился на меня чуть более осмысленно. Пару раз перевел взгляд на Алекса и спросил.

– Про вас с ним мне не приснилось?

Я покраснела и смущенно начала теревить прядь волос.

– Не приснилось. Что думаешь?

Мы вдвоем посмотрели на Алекса.

– Думаю, что вы оба это заслужили. Не испорти все, сестренка.

Я обняла брата и растроганно шмыгнула носом.

– Давай закажем чего-нибудь поесть? Пока я не умер. Чего-нибудь пожирнее.

– Я знаю. Попрошу, чтобы накрыли на улице. Тебе нужно продышаться.

Спокойно позавтракать в узком кругу не получилось. Едва принесли дымящийся омлет, как на террасу влетела Кайли, концертный менеджер. Заказав чашку кофе, она сразу завалила парней вопросами и деталями будущего графика.

Что-то показывая в планшете, она так и норовила прижаться к Алексу грудью. Я удивленно вскинула брови, задумавшись – так происходит всегда или это впервые? Он не выглядел смущенным. Между ними что-то было?

Когда я почувствовала, как в моих руках гнется вилка, то ощутила укол совести. Об этом и говорил Кевин. Я слишком ревнива. Начиная отношения с парнем, я всегда требовала проявлять ко мне минимум сто процентов внимания. Требовала, чтобы все его время было заполнено лишь мной. Старалась вытеснить все остальное. Ревновала к увлечениям, друзьям, знакомым, конечно, к девушкам. Это все от недостатка внимания в детстве. Я старалась компенсировать. Так говорил один из психологов. Только для партнера это выглядело как истерики на пустом месте, недоверие и навязчивость.

Я выдохнула, сосчитав до пяти. Даже если у него что-то и было с ней, сейчас это не имело никакого значения.

Будто почувствовав, как я напряглась, Алекс взял меня за руку. Я широко улыбнулась, не глядя на него.

Оживший Кевин подпер щеку рукой и с умилением смотрел на наши довольные лица.

Кайли предложила проехать до клуба, в котором вечером должны были выступать парни. Посмотреть зал, чекнуть аппаратуру, которую команда уже перевезла из вчерашнего заведения.

– Сестра, поедешь?

– Нет, езжайте. Я вернусь на пирс. Забыла вчера там свой телефон и зажигалку. Вдруг еще не сперли. А затем попробую немного поспать.

– Я зайду, когда вернусь, ладно? – спросил Алекс.

– Конечно, – я не смогла сдержать улыбку.

Я решила прогуляться, до пирса было относительно недалеко, всего полчаса пешком. Взяла плеер, кофе с собой в баре отеля, карту города. Плейлист подкидывал исключительно романтическую чушь в духе Стинга, от которой я улыбалась, как девочка-подросток после первого свидания с объектом давних вздыханий. Лицо ласкал теплый весенний бриз. Мимо неслись машины, прохожие с угрюмыми сосредоточенными лицами. А у меня в душе было легко как никогда. Вопреки своей привычке я не представляла, каким будет мое свадебное платье, где мы с Алексом проведем медовый месяц и как назовем каждого из наших пяти детей. Впервые я просто наслаждалась моментом. Не забегала вперед и не оглядывалась назад. Была только эта самая секунда, и мне в ней было хорошо.

Оказавшись на пирсе, я даже немного расстроилась, что дошла так быстро. Каково было мое восхищение, когда я

увидела, что телефон и зажигалка аккуратно лежат на одном из столбиков.

– Спасибо, честные люди! – вслух воскликнула я, прижимая зажигалку к груди.

Батарея на телефоне почти разрядилась. Я удалила почти сотню пропущенных от Аарона и два десятка сообщений, даже не прочитав. Написала Алексу: «Просто чудо. Я нашла вещи». В ответ он прислал поднятый вверх большой палец и вопрос: «Возвращаешься?».

«Да. Буду ждать».

Обратно я шла еще медленнее, настроение подскочило пунктов на сто, не меньше.

Переходя дорогу, я услышала оповещение. Достала из кармана телефон и улыбнулась сообщению от Алекса. «Ску-чаю».

Я задыхалась от счастья.

Внезапно справа завизжали тормоза, я резко повернулась на звук, и тут же меня сшиб огромный пикап.

Громко хрустнули кости, разрывая плоть. Телефон отлетел в сторону, с правой ноги слетел кед. В глаза ударил ослепительный серебристо-белый свет. Я зажмурилась, и не могла приоткрыть глаза даже немного. Боль от этого света заглушила боль в теле.

Я будто очутилась в невесомости. Стало легко. Очень легко. От меня не требовалось никаких усилий, чтобы стоять на ногах, не нужно было держаться, чтобы не упасть. Я будто

плавала в очень соленом озере, воды которого сами поддерживали меня на поверхности.

Вокруг меня не было ничего. Ни единого звука, даже тишины. В то же время в ушах гудело. Материя вокруг меня плавно перетекала всеми оттенками мира, но глаз не мог ухватиться за один конкретный и распознать. Было не светло и не темно.

Голова очистилась от мыслей, а душа от эмоций. Не было страха, любопытства, радости, горя. Это было странно, но осознать всей странности я не могла.

Прошло пять минут или пять сотен лет, и передо мной стали пролетать искрящиеся сферы, на поверхностях каждой проматывался эпизод из моей жизни.

Вот то, чего я не помнила, но что мозг хранил с трепетом. Мама и папа привезли меня домой сразу после рождения и показали Кевину. Брат придумал мне имя.

На другой сфере были мои первые шаги. Папа протягивал руки, и я настойчиво шла к нему.

Много-много светлых сфер вдруг стали сменяться темными, опутанными дымкой. Авария, в которой чудом уцелели мы с братом, а родители погибли. Ворота приюта, задиристые мальчишки и злобные девчонки. Темные времена, освещаемые небольшими сферами, главными героями которых были Кевин и Алекс.

Я летела мимо своей жизни. Моя жизнь пролетала мимо меня. Я тянула руки, чтобы поймать хоть один сияющий диа-

фильм, но руки не слушались, расслабившись дальше некуда.

В этом безвременьи, в этом нигде я провела целую вечность. Сферы с воспоминаниями и драгоценными моментами остались далеко позади. Впереди сиял пресловутый свет. Такая банальная и ничем не приметная точка света в конце проклятого темного туннеля. Я рвалась к ней изо всех сил, которых не было. Наконец точка стала понемногу разрастаться, пока не поглотила меня полностью.

Я снова оказалась у дороги. Пикап, развернувшись капотом в другую сторону, левым крылом обнимал покосившийся фонарный столб. По дорожной полосе тянулась широкая дорожка крови. Тошнота подкатила к горлу от тяжелого запаха. Вокруг толпились люди, вопила сирена скорой, медики орали друг другу непонятные слова, склонившись над кровавым силуэтом. Неужели пострадал кто-то еще.

Взгляд упал на кед, валявшийся на дороге. Я опустила глаза и увидела, что боса на одну ногу. Наклонившись, я протянула руку, но не смогла взять обувь. Я попробовала еще и еще. Кед никак не хотел возвращаться ко мне. Но снова раздался крик медика, и мое внимание переключилось.

Я стала пробираться сквозь зевак. Почему-то это было так легко, будто они незаметно расступались предо мной. Вздохи и шепот звучали словно издалека. Сирена стала вопить медленнее и тише. Я наклонилась к медику, когда он как раз сдвинулся в сторону, чтобы найти что-то в сумке. Я рассмат-

ривала знакомые до боли черты лица, изувеченные аварией. Перепутать было невозможно, несмотря на все повреждения и доводы логики.

На дороге в луже крови лежала я.

Мне хотелось кричать, но я не смогла. У меня не было голоса. Так же, как не было тела. Поэтому мне было не холодно и не жарко стоять босиком на асфальте.

Когда-то я слышала в новостях, что слетевшая во время наезда транспорта обувь – верный признак того, что сбитый человек погиб.

Я попятилась от искаженного тела. Меня привлек знакомый рингтон. Телефон с разбитым экраном лежал неподалеку. На нем высвечивалось имя и фото Алекса. Судя по количеству пропущенных, он звонил не первый раз. Я упала на колени и попыталась ответить. Но рука проваливалась сквозь телефон. Стоя на четвереньках, я все же закричала. Густая тяжелая правда не могла поместиться у меня в груди, разрывала на части. И я хотела выплюнуть ее при помощи крика.

Меня никто не слышал. Не видел.

Я умерла.

Хотелось сойти с ума. Хотелось, чтобы произошло хоть что-то, что доказало бы обратное. Я начала метаться между людьми, пыталась схватить их за руку, кричала в лицо, но никто не обращал внимания.

Я постаралась взять себя в руки. Если медики все еще что-то делали, значит, я не совсем умерла. И то, что мое сознание

витаю здесь, это тоже доказывало. Но как мне вернуться в свое тело?

Я сделала меньше, на что была способна. Подошла к телу и попробовала просто лечь в него. Но едва я коснулась себя, меня так сильно ударило не то током, не то еще какой-то мощной энергией, что я отлетела на несколько метров. Мою физическую оболочку при этом затрясло в конвульсиях. Медики отшатнулись от неожиданности, но затем схватили и максимально осторожно прижали тело к земле. Зеваки завопили от ужаса, кое-кто даже упал в обморок.

Какой-то мальчишка лет десяти, подошел к полицейскому и протянул мой телефон. Я подбежала и посмотрела на фото Алекса, звонившего снова. Коп потер глаза, настраиваясь на непростой разговор. Каково сообщать людям, что их близкие попали в беду?

Я прижалась щекой к телефону, чтобы слышать, что скажет Алекс. В его голосе не было и намек на лень и равнодушие. От его тревоги у меня защемило сердце. В тот момент, когда офицер рассказал ему о случившемся, на большом пальце раскалилось кольцо-талисман.

Я взвизгнула от боли и уставилась на руку. Кольцо с анхом было на мне. Я помотала головой от удивления. Я ведь отдала его Алексу!

Вернувшись к своему телу, я постаралась рассмотреть на переломанной и окровавленной руке кольцо. Но его там не было.

Почему тогда оно было на... мне? Кто я вообще теперь? Душа, сознание, дух, сущность, призрак, проекция? Что я такое? И самое главное – что с этим делать?

Коп обменялся парой фраз с медиками и сообщил Алексу, в какую больницу меня повезут. Мое тело наконец погрузили на каталку, а после – в машину скорой. Я поднялась следом и присела с краю, умоляя себя очнуться.

Через несколько минут мы уже были в госпитале. Медики кричали подбежавшим хирургам мои показатели, а я молилась всем богам, чтобы врачи спасли меня. С детства я не доверяла людям этой профессии, ведь они не спасли маму с папой. Но сейчас мне не оставалось ничего, кроме как уповать на их профессионализм и целеустремленность.

Я стояла и смотрела, как вокруг меня бегали несколько человек с какими-то приборами, инструментами, по локоть в моей крови. Их действия не выглядели хаотично. Это вселяло надежду.

В коридоре раздался топот ног и знакомые голоса. Алекс и Кевин требовали пустить их ко мне. Медсестра выбежала их остановить.

– Не мешайте, врачи делают все, что могут!

Кевин прильнул к стеклянной перегородке и рыдал навзрыд, читая молитву. Алекс прижал руку ко рту и не мигая смотрел на меня, окруженную медперсоналом.

На его мизинце красовалось мое кольцо. Я снова мотнула головой и уставилась на свою руку. Одно и то же кольцо было

и на мне, и на нем. Почему оно снова оказалось у меня?

Я попробовала коснуться брата или Алекса, но тоже безуспешно. Звала их, но они не слышали.

Меня подняли в операционную. Парни молча метались по залу ожидания. На меня волнами накатывала усталость. Хотелось понимать, как работает связь. Я теряю силы вместе с тем, как их теряет мое тело, или становлюсь сильнее, когда оно слабеет?

Алекс сполз по стене, сел прямо на пол, поставил локти на колени и уронил голову на ладони. Кевин упал на один из стульев и тихо завыл. Мне хотелось утешить их, пообещать, что все будет хорошо, но я не могла. Снова глянув на одну босую ногу, я заплакала. Алекс смотрел на Кевина. Снова запылало на пальце кольцо. Я посмотрела на руку парня и готова была поклясться, что его кольцо подсвечивается темно-синим. Взгляд Алекса всегда был красноречивее его слов. И я поняла – через кольцо я чувствовала его боль. Он страдал из-за того, что случилось со мной, и страдал от боли Кевина.

В приемной прозвучало мое имя, и парни подскочили и выбежали на голос. Но это был не кто-то из докторов. У стойки информации стоял мужчина с раной на лбу и, задыхаясь, пытался выведать у медсестры, как я себя чувствую.

– Вы кто? – резко спросил Кевин.

– Это я. Я был за рулем.

Кольцо взорвалось от боли, и прежде, чем я успела раз-

глядеть красное свечение на пальце Алекса, он набросился на водителя и принялся его избивать. Кевин пытался оттащить друга, но в ярости Алекс был сильнее трех волов. Медсестра завопила, зовя на помощь охрану. Несколько здоровенных мужиков с заметным усилием едва сдерживали разгневанного Алекса.

Водитель тем временем стоял на коленях, размазывал рукавом кровь по лицу и жалобно всхлипывал.

– Простите. Простите меня. Я отвлекся на телефон. Всего на секунду. Я торопился к дочери. И отвлекся всего на секунду. И тут эта девушка, с телефоном. Я нажал на тормоз, но было поздно. Я не заметил. Простите.

Я вытянулась по струнке. Телефон. Он отвлекся на телефон. И я шла через дорогу, уткнувшись в телефон. Подожди я всего несколько секунд. Достань телефон чуть позже.

Ох, Алекс. Не в состоянии выносить это в одиночку, я взяла его за руку, и наши кольца соприкоснулись с характерным звуком. Это услышали и почувствовали мы оба, и устались каждый на свой талисман. Он почувствовал. Я постаралась повторить это, но не сработало. Я громко выругалась.

Водитель продолжал захлебываться виной. Мне стало жаль его. Из-за глупой мелочи сломано несколько жизней. Я упала на колени перед мужчиной. Из-за меня он в такой ситуации. Что с ним будет? Что с его дочерью? Почему он к ней торопился? Что за люди его семья? Не осудят ли они его за то, что случилось?

– Прости меня, – прошептала я.

Он вскинул голову и уставился прямо на меня.

– Ты меня видишь?

Он не ответил, но продолжал смотреть.

– Ты меня слышишь?

Мужчина быстро заморгал и встряхнул головой.

– Слышишь? Ты слышишь меня? Помоги!

Он огляделся, и на его лице отразилось облегчение. Возможно, он услышал лишь мое раскаяние и решил, что либо ему почудилось, либо он сошел с ума.

На несколько секунд меня обуяла злость. Он стоял тут и вертел головой, в то время как я призраком летала по больничным коридорам. И все из-за чего? Из-за того, что он не нашел лучшего времени, чтобы залипнуть в мобилу. Я подбежала к нему, ударила несколько раз. Но он ничего не почувствовал, мои руки просто проходили сквозь него. Я снова почувствовала слабость, отшатнулась к стене и сползла на пол.

Причем тут он. Я и сама хороша. Я постоянно ругалась на Кевина за то, что он не смотрит под ноги и по сторонам, видит только экран телефона. А сама поперлась через дорогу, не зная местного движения. Что ж, Кевин, я все испортила. Этот мужчина мог спокойно ехать дальше, если бы я не выскочила прямо перед его капотом.

– Я тебя прощаю. Если это имеет какое-то значение. Я прощаю тебя. В этом нет твоей вины. Не кори себя.

Водитель снова замер и посмотрел на меня. У него задрожала нижняя губа. Будто направляемая чьей-то рукой, я поднялась и подошла прямо к нему. Заглянула в глаза, которые вновь наполнились слезами. Как мантру, вкрадчиво произнесла:

– Я прощаю тебя. Прости и ты меня.

Он молчал с минуту, и я уже было подумала, что очередная попытка улетела в пустоту, но водитель вдруг прошептал:

– И я тебя прощаю.

В эту самую секунду я ощутила прилив сил. Будто стала полнее, насыщеннее. Реальнее?

Это то, что я должна сделать? Простить обиды? Попросить прощения? Но у кого именно? У всех?

В холл вышел доктор, устало стягивая маску. Кевин и Алекс подошли и смотрели на него с надеждой и страхом.

– Мы сделали все, что смогли. Состояние тяжелое, но нам удалось его стабилизировать. Она без сознания.

– Она придет в себя? – спросил Кевин с каменным лицом. По его глазам было видно, что он старается запретить себе думать о худшем.

Док помолчал.

– Если честно, мы не уверены. Но надежда есть. Зависит от того, насколько сильный у нее организм. Пока можем только ждать.

– К ней можно?

Доктор кивнул и попросил медсестру проводить парней.

Моя палата представляла жалкое зрелище. Точнее, сама палата была неплохой, а вот я, облепленная трубками и датчиками, вся в бинтах, ссадинах и гематомах, выглядела ужасно.

Кевин и Алекс сели по обе стороны от койки. Ни один из них даже не старался сдерживать слезы. Мне было так больно смотреть на них. Я не хотела, чтобы они проходили через подобное. Мы были друг для друга всем. Каждый из нас был частью одного целого. Когда было плохо одному, было плохо и остальным.

Для меня время шло странно. Часы пролетали как секунды, а некоторые мгновения растягивались на годы. Алекс и Кевин не отходили от меня до глубокой ночи. Изредка они тихонько переговаривались. Очень тихо, чтобы слышать мерный звук приборов.

Я заметила, что кольцо Алекса окружало золотистое сияние, когда он смотрел на меня, касался моих пальцев. У меня больше не получилось взять его за руку, но я чувствовала притяжение между его реальным кольцом и моим призрачным. Их тянуло друг к другу, как магниты. Чувствовал ли это Алекс?

Ближе к утру он уехал в отель, чтобы продлить проживание в наших номерах и лично извиниться перед владельцем клуба за то, что они так и не приехали на вчерашнее выступление. Я ходила из угла в угол и тихо подвывала своей печалью.

ли. «Я все порчу. Все порчу. Они столько к этому шли, а я теперь рушу это».

Оставшись со мной наедине, Кевин опустился на колени перед койкой и прижал мою ладонь к своему лбу. Он беззвучно, одними губами читал молитву. Ту единственную, которую знал. Когда-то его научила ей мама. Она была для него на все случаи жизни, и Кев утверждал, что всегда помогала.

Глаза его были красные и опухшие. Вряд ли он плакал там много с тех пор, как погибли родители. А может, просто я не видела. Он всегда казался мне сильным, несколько недоступным, как божество. Его внимание было как награда. Его переживания – редчайшее явление.

– Я был плохим братом. Почти не говорил, как сильно тебя люблю. А ведь ты – единственная, кто был рядом всегда. Я всегда себя жалел и думал, что один, но это не так. Нас всегда было двое. Когда ты была маленькой, я часто отмахивался от тебя. Не хотел нести ответственность, не хотел нянчиться. Считал, что не должен возиться с тобой, ведь родителей не стало не по моей вине. Ты просто хотела быть рядом, ни о чем не просила. А я вечно рычал и отстранялся. А ты всегда ждала меня и встречала с распростертыми объятиями, когда я прибегал, ведь больше некуда было идти.

Я лежала на полу и роняла на плитку невидимые никому слезы. Его я тоже всегда доставала. Была как прилипала, не давала заводить друзей, встречаться с девушками. Душила своей ревностью. Не понимала, зачем он дарит внимание ка-

ким-то посторонним девицам, когда его родная сестра обделена заботой. Я была эгоисткой. Хотела, чтобы мир крутился лишь вокруг меня одной. Не понимала, что причиняю боль.

– Я бы хотел все исправить. Клянусь, я все исправлю, сестренка. Только вернись ко мне. Мне нужно попросить у тебя прощения. Нужно сказать, как сильно я тебя люблю.

Меня, как марионетку, подняла с пола невидимая сила и подтащила на коленях к брату. Вкладывая в слова всю любовь, всю душу, всю искренность, на которую была способна, я попросила.

– Ты всегда был самым лучшим. Я не держу обиды. Это я должна просить прощения.

Кевин медленно поднял голову и посмотрел мне в глаза, затем перевел озадаченный взгляд на ту меня, что лежала на больничной койке. Из рта у меня торчала широкая трубка, мое тело не могло произнести эти слова вслух.

Поцеловав мою руку, он прошептал:

– Прощаю.

Внутри меня разлилось тепло, взорвалась колба со светом. Я стала еще сильнее. Запахи и звуки стали четче. До этого они будто процеживались из-за пелены. А теперь снова стали чистыми. Я полной грудью вдохнула больничный воздух, несущий в себе горечь лекарств, резкость антисептиков и свежесть простыней. В душе поселилась надежда.

Я подошла к себе и коснулась щеки. Меня снова ударило током, но не так сильно, как там, на месте аварии. Меня не

отбросило, а лишь ужалило, хоть и чувствительно. Тело же мое подскочило на кровати, напугав Кевина. Конвульсий на этот раз не было. Но пульс, отображенный на мониторе, стал увереннее и бодрее. Кевин переводил взгляд то на меня, то на монитор. Затем сорвался с места и побежал за доктором.

Не желая оставаться наедине со своей собственной мумией, я побежала было следом, но не смогла покинуть палату. Открытый дверной проем словно загородили толстым крепким стеклом. Я билась, как бьется в стекло птица, влетевшая в комнату. Но выход не поддавался. Сквозь стены я тоже не могла пройти. Однако предметы в палате по-прежнему пропускали мои руки через себя.

Я оказалась привязана к телу. К тому месту, где оно было. Что дальше? Дальше я очнусь? Или все же умру?

Разве это честно, что я осталась здесь совсем одна? Никаких наставников, советчиков. Хоть бы призрачный бомж, как в фильме «Привидение» подсказал, что все это значит.

Внезапно меня всю свело от боли. В руках, в ногах, во всем теле. Голова раскалывалась. Но вся боль была приглушенной, не острой. Было похоже на то, как отпускает действие анестезии. Боль возвращалась понемногу. Сколько времени должно было пройти, прежде чем она полностью меня обездвижила бы?

Я ощущала каждый перелом, каждую ссадину, но пока эти ощущения крались издалека. Одно я поняла – времени осталось все меньше. Я не знала, что от меня требуется, не зна-

ла, что случится, когда истекут последние мгновения, что отведены мне в этом зазеркалье. Но я должна была бороться, пока на это оставались силы.

Я села на колени, это оказалось не так просто, как в прошлый раз. И повторила молитву Кевина, глядя на свое лицо. Коснуться себя я больше не могла. Но ощущала свое тепло, когда подносила руку к живой коже. Мне очень хотелось расценивать происходящее, как возвращение. Шанс все исправить. А не как отсрочку абсолютного финала.

Вернулся Кевин с доктором, док сделал пометки в карте. Мужчины переговаривались, затем ушли.

Через какое-то время вошел Алекс. Он выглядел уставшим, замученным, но его кольцо озарилось золотым свечением, когда он сел рядом со мной. К золоту добавилась синяя дымка. Они обвивали друг друга, сливались и разделялись. Что они значили? Что-то подсказывало мне, что синий показывал грусть Алекса, алый – его злость. А золото? Могло ли золото означать любовь?

Алекс наклонился и поцеловал меня в лоб. И я почувствовала это! Это было так приятно, будто по-настоящему. Он погладил меня по руке, и это я тоже ощутила! Его тепло, шероховатость его кожи. Каким же наслаждением было ощущать его запах. Индийское масло, дурманящее и укрошающее.

– Мы потеряли столько времени из-за моего страха. Если бы я не боялся признаться тебе во всем сразу. Я позволял те-

бе встречаться со всеми этими идиотами, позволял им обижать тебя. А мы ведь давно могли быть вместе. Я думал, у нас впереди вся жизнь, но я так ошибался... Это я виноват. Все из-за меня. Я никогда ничего не делаю вовремя. Слишком тянул с признанием, зато не смог подождать минуту, чтобы отправить тебе сообщение чуть позже. Это я виноват. Прости меня...

Я думала, что на слезы у меня больше нет сил. Я лежала на полу, корчась от все нарастающей боли, но самое большое страдание приносило мне то, как страдал Алекс. Я всегда воспринимала свое отношение к нему, как глупую детскую влюбленность в друга старшего брата. Я пряталась от своих чувств в объятиях других. Я боялась разрушить нашу дружбу. Он был единственным, к кому я не лезла с признаниями, ревностью, ухаживаниями. И он был единственным, кому я должна была все сказать, как есть.

Я не могла встать. Силы иссякали. Песок в часах заканчивался. Но меня заботило не это. Меня заботило то, что я не успела побыть с тем, кто был мне по-настоящему нужен все эти годы.

– Прости, что я была такой дурой, Алекс, – я застонала от боли. – Больше всего на свете я хотела бы иметь возможность сделать тебя счастливым.

Алекс вздрогнул и посмотрел на меня. Как же я хотела точно знать, что он видит меня, слышит. Он пробежался взглядом по полу. Поднял взгляд на меня настоящую.

Я чувствовала, как ломается каждая косточка. Как разрываются внутренние органы, рвутся сосуды и кожа. Я орала от боли как ненормальная, срывая связки. Но я была совсем одна. Мне никто не мог помочь. Мне казалось, я теряю разум от этой агонии, и скоро от меня лишь останется невидимый комок боли и крика на полу палаты.

Кольцо с древним символом вечной жизни на мизинце дорогого мне человека полностью скрылось за золотистыми искрами и серебряными нитями. Собрав последние остатки ясного сознания, я протянула руку и коснулась своим талисманом кольца Алекса.

Он подскочил, как ошпаренный, сорвал кольцо и посмотрел на свой мизинец.

Он рассмотрел символ, нахмурился и скорее интуитивно, я уверена, никакой логики в этом не было, надел кольцо туда, где я носила его много лет.

Я оказалась в темноте. Ни звуков, ни света. Никаких ощущений, запахов. Даже боль исчезла. Но эмоции никуда не делись. Мне было грустно и страшно. Я не знала, что ждет меня впереди. Увижу ли еще Кевина и Алекса? Смогу ли хоть со стороны наблюдать за их жизнью? Увижу ли там, куда отправлюсь, родителей?

Меня раздирали тоска и одиночество, и они были куда страшнее даже самой беспощадной физической боли.

Теперь не было ничего. Ни разноцветной материи, ни сфер с кадрами моей жизни. Была лишь я. Порой слож-

но придумать наказание изощреннее, чем оставить человека один на один с самим собой. Мне оставалось самой подбирать любимые воспоминания и ждать приговора.

Одна мысль никак меня не отпускала. Она казалась ироничной, почти забавной. Чтобы перейти на другую сторону улицы, мне нужно было преодолеть всего футов тридцать¹. Но судьба мановением пикапа перечеркнула мою жизнь и отправила меня по другую сторону бытия.

Прошло, должно быть, сто веков. А может, несколько тысячелетий. Я пыталась считать секунды, старалась выбросить из головы все, старалась удержать в мыслях хоть что-то.

– Если они услышали меня, когда я молила о прощении, то, может, смогут простить? – сказала я вслух, но, конечно, никто, включая меня, не услышал.

Я промотала всю жизнь с Кевином, представляла, как он смирится с горем, обзаведется семьей, будет рассказывать детям о своей сестре. Как будет вспоминать меня с теплой грустью и рассказывать мне о своей жизни после слов маминной молитвы.

Я промотала всю жизнь с Алексом. Вспоминала его появление, все проявления заботы, каждый неоднозначный взгляд, каждое неловкое прикосновение, которое несло в себе нечто больше, чем лишь дружба. Попыталась все же представить, каким могло бы быть наше общее будущее. Попыталась представить, каким будет его будущее без меня. Хоте-

---

¹ 30 футов 9 метров

лось верить, что он найдет ту, которая поймет его, разглядит за придуманным образом Алекса настоящего.

Я только хотела, чтобы у них все было хорошо, и моя нелепая смерть не стала для них переломным событием. Чтобы она не сломила их дух, а укрепила. Чтобы они смогли двигаться дальше. И чтобы они никогда не откладывали свои искренние чувства и мечты на «потом».

Если бы могла, я бы плакала в голос, молила бы высшую силу исполнить это мое последнее желание. Но я могла лишь изматывать себя мыслями.

– Люблю вас, – пробормотала я в небытие и замолчала, как мне казалось, навсегда.

Еще не одна эпоха истекла. Но вот я вдруг оказалась в залитой светом круглой комнате. Вместо стен были двери. Бесконечное число совершенно одинаковых ослепительно-белых дверей без ручек и надписей.

Я глянула на себя. На мне было надето что-то вроде балахона. Он был не из ткани, а словно из облаков. То тут то там проблескивали серебристые нити молний и золотые солнечные лучи. Я не касалась пола ногами, парила чуть выше, и полы накидки болтались ниже моих стоп.

На большом пальце ожило кольцо. Оно пульсировало, мне казалось, что оно старается сорваться. Я сняла его и крепко зажала в кулаке, чтобы не потерять. Но тут же разжала пальцы, почувствовав в ладони что-то другое. Кольцо обернулось ключом.

Непонятно, почему, но я точно знала, что у меня всего одна попытка. Я могла открыть лишь одну дверь. От этого зависело, что будет дальше.

Я зажмурилась. Вихрем закружилась вокруг своей оси, рассеивая облака, из которых был соткан балахон. Я представила пирс, на котором мы с Алексом признались друг другу в том, что давно старались спрятать от самих себя. Представила Кевина, радующегося тому, что мы перестали валять дурака. Представила, как спокойно пропускаю на дороге пикап, перехожу улицу, живая и невредимая, и лишь потом достаю телефон.

Не открывая глаз, я рванулась вперед, вытянув перед собой ключ. Раздался щелчок замка.

Вспышка света.

Тьма и тишина.

Вдруг откуда-то со стороны донеслось едва различимое попискивание прикроватного монитора. Он звучал в такт с моим пульсом. Спотыкаясь об пустоту, я побежала на звук. Он становился громче, громче, громче. Каждый шаг равен каждому удару моего сердца. Вдалеке появилась неоновая зеленая линия. Она ритмично подпрыгивала вверх, спускалась вниз. Я наступила на нее.

Мои легкие наполнились воздухом. По венам побежала горячая кровь. В нос забрались запахи. Слуха коснулись голоса. Я увидела белый потолок с лампами. Ощутила вкус пластиковой трубки во рту. Мои руки по разным сторонам

держали Алекс и Кевин. Все тело ломило от боли, но даже эта боль была истинным счастьем.

Из глаз побежали слезы. Горячие, соленые. Настоящие.

Кевин и Алекс подпрыгнули и заговорили со мной. Стали звать доктора. А я смотрела на них и плакала от счастья снова оказаться рядом с ними. По эту сторону.

Я сделала правильный выбор. Открыла нужную дверь.

Я вернулась.